

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «В ОВРАГЕ» И ФУНКЦИИ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ

Рассматриваются функции интертекстуальных связей повести А.П. Чехова «В овраге» с Библией, а именно выявляется присутствие в тексте Чехова мотивов, связанных с рассказом об Исходе Израиля из Египта. Утверждается, что мотивы и аллюзии присутствуют естественным образом. Делается вывод о том, что интертекстуальность, с одной стороны, усиливает ощущение атмосферы порабощения и страданий бедных, с другой стороны, углубляет надежду на справедливость, а также на милосердие.

Ключевые слова: А.П. Чехов; Библия; Пасха; интертекстуальность; Ю. Кристева.

Повесть А.П. Чехова «В овраге» (1900) известна жесткой критикой капиталистов, представленных семьей Цыбукиных, а также критикой церковных и государственных властей, являющихся союзниками богатых [1. С. 267–269]. Многие исследователи, вслед за З.С. Паперным, говоря о данной повести, обращают особое внимание на тематику обмана, при этом отмечается и наличие темы правды (тот факт, что главная героиня Липа уповаает на «правду» [Там же. С. 278]). Д. Рейфильд считает, что повесть является частично марксистским произведением, так как Чехов критикует социальную ситуацию и ее неизбежность. Однако при этом, по мнению исследователя, для Чехова важно значение личности и христианских взглядов таких добрых людей, как Липа [2. С. 194].

На подтекст повести «В овраге» (и, тем самым, на одну из форм интертекстуальности) впервые обращает внимание В.В. Набоков, по мнению которого данный подтекст смягчает жестокость событий в фабуле произведения [3. С. 221]. Однако В.В. Набоков не анализирует связей повести с Библией. К библейскому подтексту других произведений Чехова обращается А.С. Собенников, для которого в этом аспекте особую роль играют «Скучная история» и «Дуэль» [4. С. 24–50], повесть «Моя жизнь» [Там же. С. 62–98], а также рождественские и пасхальные рассказы, из которых особенно выделяются «Студент» и «Архиерей» [Там же. С. 99–159]. Библейским текстом, присутствие которого в разных произведениях Чехова видит не только А.С. Собенников, но и, например, М.С. Свифт [5. С. 43–64], является книга Екклесиаста. М. Фрайзе, в свою очередь, обращает внимание на пасхальную тематику в произведениях Чехова [6. С. 54–64]. Кроме того, он анализирует, как Чехов привлекает евангельские тексты о суде, например в «Мужиках» и в «Печенеге» [Там же. С. 179–184; 202–204]; он же развивает теорию о подтексте как способе сказать то, что не осознано, но присутствует в подсознательном [Там же. С. 286].

Однако на библейский подтекст повести «В овраге», кроме аллюзии у В.В. Набокова, при этом не определяющего текста из Библии, на который намекает Чехов [7. С. 350], до сих пор никто из исследователей не обращал внимания. Цель настоящей статьи – выявить, в какой форме в повести присутствует библейский подтекст и какие функции он выполняет.

Для этого сначала рассмотрим понятие интертекстуальности, введенное Ю. Кристевой. Теория бол-

гарско-французской ученой пытается доказать, что у несознательного и символического есть свое место в человеческом мышлении. Ведь, как считает Ю. Кристева, «теория подсознательного ведет и углубляет <...> обновление в интимности каждого» [8], т.е. она ведет и углубляет обновление способа рассуждения, направленное на то, чтобы мышление состояло не только из познания внешних фактов. Исследовательница подчеркивает, что в любом тексте присутствует больше, чем просто его содержание, в том числе он включает в себя те мысли и чувства, которые пробуждаются в читателе, когда читаемый текст напоминает ему другой текст, присутствующий в его памяти. Автор, включая такую связь с другим текстом в свое произведение, начинает диалог со всеми воспоминаниями, чувствами и ожиданиями, которые присутствуют в читателе и которые для него связаны с текстом, ставшим у данного автора подтекстом [Там же]. В данных рассуждениях Ю. Кристева близка к М.М. Бахтину. Ведь если в произведении действует, как говорит М.М. Бахтин, «логика сна» [9. С. 17], т.е. если его смысл не определяется или, по крайней мере, не исключительно определяется сознательными решениями, как это бывает именно во сне, тогда возникает бесконечность диалога [Там же. С. 16], в котором автор не является высшей инстанцией, а выступает участником диалога, так как он общается с теми элементами личности в себе самом и в других людях, которыми управлять сознательно невозможно [Там же. С. 18].

Ю. Кристева изучает данный эффект на материале романа Антуана де Ла Сая «Жан де Сентре» (XVI в.), в котором находят отражение многие романы, особенно романы XV в., хорошо известные читателю того времени [10. С. 536, 544]. Но можно ожидать такого же эффекта, и еще более интенсивного, если в произведении присутствуют тексты, давно известные любому читателю, передаваемые от поколения к поколению, обогащенные множеством коннотаций и вошедшие в подсознательное, как это бывает с произведениями фольклора и священными текстами. Говоря о священных текстах, Ю. Кристева подчеркивает, что «память не касается прошлого: Библия, Евангелия, Коран, Ригведа, Тао живут в настоящем» (перевод мой. – Ш.Л.) [11]. Данные тексты присутствуют не только в сознании тех людей, которые хотят сослаться на них, т.е. верующих, но и, по крайней мере подсознательно, в памяти тех, кто считает себя неверующим, но у кого

есть верующие предки, передавшие такие традиции своим детям. Священные тексты также присутствуют в памяти читателя через произведения разных видов искусства, цитирующие их, даже если слушатель, зритель и т.д. такой связи не замечает.

В контексте повести «В овраге» можно говорить, в первую очередь, о присутствии библейского рассказа об исходе Израиля из Египта – «дома рабства». Данный рассказ из книги Исхода (особенно 1–15-я главы) является основополагающим для иудаизма. Даже Десять заповедей начинаются со слов «Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства» (Исх 20, 2; Втор 5, 6). Праздник же, в который отмечается данное событие, Пасха (Песах), является одним из главных праздников евреев. Кроме того, главное событие для христиан, смерть и воскресение Иисуса Христа, также неотъемлемо связано с еврейским праздником Пасхи. Рассказ евангелистов богат аллюзиями на то, что Иисус страдает и умирает именно в дни Песаха (Мф 26, 2; Мк 14, 1; Ин 13, 1) и что накануне смерти, во время пасхальной вечери, он устанавливает таинство Евхаристии (причастие) под видами хлеба и вина (Мф 26, 26–28; Мк 14, 22–24). Данное таинство, наряду с крещением, является для христиан основным обрядом. Можно предполагать, что пасхальный рассказ как Ветхого, так и Нового Завета читателям – современникам Чехова был хорошо известен. Более того, сам Чехов вырос в церковной среде и был прекрасно знаком с текстами Библии [12. С. 16].

Таким образом, стоит обратить внимание на присутствие интертекстуальных связей с Библией в повести «В овраге», особенно на элементы, связанные с рассказом об исходе Израиля из Египта. Однако при этом следует иметь в виду то, что В.В. Набоков называет «неназойливостью чеховского символизма» [7. С. 350], т.е. тот факт, что любой момент в тексте можно объяснить без символической интерпретации, но что множество мотивов из определенного тематического круга (здесь: «Исход») создает уровень символического понимания «за» или «под» естественной интерпретацией. Чехов не намекает на тексты, чтобы загадать аллюзии. Он не создает аллегории с помощью библейских текстов, но обращается к памяти читателя (сознательной или подсознательной), чтобы включить общую атмосферу и фабулу повести в контекст переживаний и воспоминаний, заложенных в людях тех культур, в которых традиционно доминирует иудаизм или христианство.

Связь между повестью «В овраге» и книгой Исхода видится уже в том, что общую структуру повести характеризуют уходы, приходы и путешествия, в том числе когда Липа идет на «богомолье» [13. С. 163, С. 177], так же, как в Библии израильтяне должны покинуть Египет, чтобы прославить Бога (Исх 9, 1). Более того, у Липы есть два старика-наставника [Там же. С. 164, 176, 177]. Это может напомнить Моисея и Аарона, вождей Израиля, которым было 80 и 83 года соответственно, когда началось освобождение Израиля из египетского рабства (Исх 7, 7). Связь между стариками в повести и вождями Израиля подчеркивается также тем, что у одного старика есть прозвище «Костыль» [13. С. 164]: данное слово является аллю-

зией на посох как характерный предмет Моисея (Исх 4, 17; 7, 17–20; 14, 16; 17, 5–6). Эпизод, когда «Костыль» наставляет старого, властного Цыбукина, можно считать намеком на выступления Моисея перед фараоном (Исх 5; 7).

Помимо общей структуры текста, можно также связать разные слои содержания в повести с разными элементами рассказа об исходе. В первую очередь, следует иметь в виду, что в повести описывается «темный, недобрый мир» [1. С. 266], в котором, как подчеркивает В.В. Набоков, действует не меньше шести видов обмана [7. С. 339–341]. Даже сами Цыбукины прекрасно понимают, что обманывают людей [13. С. 148–149, 158–159]. Чехов подчеркивает, что в несправедливости и обмане виноваты как капиталисты [Там же. С. 146], так и государственные [Там же. С. 157] и церковные власти [Там же. С. 155, 178]. То, что данное поведение ведет к деградации человека, к маргинализации простых людей, иллюстрируется описанием села: несколько раз говорится, что изб простых людей не видно [Там же. С. 146; 163; 177]. А также (и в первую очередь) в повести говорится об унижении Липы [Там же. С. 177] и о поведении Аксиньи, которое приводит к маргинализации других членов семьи Цыбукиных [Там же. С. 180].

Ужасную ситуацию, описываемую в повести, подчеркивает тот факт, что рабочие на заводе Аксиньи изготавливают кирпичи, как это были вынуждены делать израильтяне в Египте [Там же. С. 172, 173, 181; см. Исх 1]. Так же, как в Ветхом Завете, смертельная опасность для малыша связана с водой [Там же. С. 173; см. Исх 1]; однако в Библии вода спасает, здесь она губит. Данный факт связан с тем, что мальчик Никифор не только ребенок Липы, но и внук и наследник Цыбукина: на Никифора вся надежда старика, так как его младший сын инвалид, а старший – каторжник [Там же. С. 172, 173]. Это отсылает нас к эпизоду из библейского рассказа, когда Бог наказывает египтян, в том числе фараона, убивая их первородных сыновей, за то, что они держали израильтян в рабстве (Исх 11, 5). Таким образом, гибель Никифора является символом бессмысленного страдания невинных (его самого и его матери), а также служит наказанием для Цыбукина.

Итак, первой функцией интертекстуальных связей повести «В овраге» с Библией является усиление ощущения жестокости ситуации: страшные события, описываемые в тексте, подчеркиваются аллюзиями на положение народа Израиля в Египте до прихода Моисея и на страшные события, которыми, по книге Ветхий Завет, Бог наказал Египет за порабощение израильтян.

Во многих случаях присутствие мотивов из книги Исхода придает тексту ноту надежды, что может осуществиться упование Липы и ее матери на то, «что правда есть и будет» [13. С. 167]. Это связано с тем, что книга Исхода не направлена на описание страшной ситуации рабства израильтян в Египте, ее цель – рассказать об их «исходе» и освобождении из рабства. О том, что данная тематика присутствует в повести «В овраге», особенно свидетельствует «исход» Липы и других рабочих из «рабства» кирпичного завода в конце повести. Они шагают смело и радостно, а ста-

рик Цыбукин, встречающийся им на пути, идет неуверенно [1. С. 278; 13. С. 181]. В это время Липа идет впереди группы поющих, покидающих свое место труда – кирпичный завод. Данный образ напоминает Мариам, сестру Моисея, поющую песнь освобождения после исхода из Египта через Красное море [13. С. 181; см. Исх 15, 20].

О том, что у Чехова присутствуют мотивы из книги Исхода, свидетельствует также аллюзия у В.В. Набокова. Комментируя слова Липы ко второму старику «Ты давеча взглянул на меня, а сердце мое помягчило» [13. С. 176], В.В. Набоков отмечает «почти библейскую интонацию в русском тексте» [7. С. 350]. Словом, он чувствует связь текста с библейским, но не обращает внимания на то, что по Библии именно перед исходом Моисей идет к фараону, но Бог «ожесточает» сердце фараона (Исх 7, 3), так что он остается во власти зла и приближает свое наказание; сердце же Липы становится, наоборот, мягким. В этом смысле можно считать Липу «анти-фараоном», в то время как старик Цыбукин напоминает его.

На данном уровне анализа текста мы видим, что тематика исхода включает в себя надежду на то, что подавленные, страдающие люди, как Липа, в конечном итоге освобождаются и покидают страшный мир, а обидчиков настигает справедливое наказание. То, что описывается в тексте повести, является примером бесчеловечности. На ее фоне тот факт, что Липе и ее матери «казалось, <...> что правда есть и будет» [13. С. 167], может показаться читателю чистой иллюзией. Это можно сказать тем более в связи с тем, что Липа даже в финале повести по-прежнему работает на заводе Аксиньи. Но с помощью интертекстуальности Чехов углубляет надежду тем упованием, что у человека есть возможность покинуть «дом рабства» (Исх 20, 2). Данная надежда не остается идеологическим высказыванием, она становится ощущаемым в глубине души, упованием, связанным с надеждой евреев и христиан всех веков. Это даже не зависит от того, верит ли Чехов или его читатель в то, что Бог более 3 000 лет назад, совершив чудо, действительно освободил Израиля из Египта. Достаточно того, что данная вера присутствует в подсознательном. Таким образом, подтекст вносит в повесть человечность, ощущение, что даже в самой страшной, «нечеловечной» ситуации есть надежда на ее преодоление. В этом заключается вторая функция связей повести с библейским текстом.

Кроме того, интертекстуальные связи как с еврейским, так и с христианским пасхальным текстом выполняют еще одну важную функцию. В финале повести «встретился толпе старик Цыбукин, и стало вдруг тихо-тихо» [13. С. 181, 182]; люди чувствуют неловкость, они считают Цыбукина своим обидчиком, но в то же время знают, что он сам был изгнан снохой «из цобственного [sic!] дома» [Там же. С. 180]. Только Липа с матерью, Прасковьей, относятся к Цыбукину иначе, без ненависти: «Липа поклонилась низко и сказала: “Здравствуйте, Григорий Петрович!” И мать тоже поклонилась. Старик остановился и, ничего не говоря, смотрел на обеих; губы у него дрожали и глаза были полны слез. Липа достала из узелка у матери

кусочек пирога с кашей и подала ему. Он взял и стал есть. Солнце уже совсем зашло; блеск его погас и вверху на дороге. Становилось темно и прохладно. Липа и Прасковья пошли дальше и долго потом крепстились» [13. С. 182].

У старика дрожат губы и появляются слезы, потому что первый раз за долгое время он чувствует, что к нему относятся просто как к человеку. Он понимает, сколько доброты и тепла он потерял, когда выгнал Липу из дома. Липа не только здоровается с ним, она дает ему поесть. Может быть, она знает, что старик редко ест, потому что дома его не кормят [Там же. С. 179]. Может быть, она чувствует то, что символически присутствует в этом отрывке: Цыбукин хромает, в то время как Липа шагает смело, т.е. он потерпел поражение [1. С. 278]. Солнце заходит, становится темно – это говорит о том, что смерть Цыбукина близка.

Кроме того, в виде пирога Липа дает старику как бы «причастие». Нужно иметь в виду, что с древних времен давать кусок хлеба означает предлагать общение. Об этом Библия говорит особенно явно в контексте Пасхи (Исх 12). Тема «преломления хлеба» (Лк 24, 35) указывает на присутствие другого аспекта человечности, явно христианского, как подчеркивает Д. Рейфильд [2. С. 194], – темы примирения. Данное примирение не мешает устремлению к правде, как считает З.С. Паперный [1. С. 278], но превосходит его. Важную роль играет тот факт (который З.С. Паперный, к сожалению, игнорирует [Там же]), что сцена примирения, в которой Липа дает Цыбукину поесть, является финалом повести, т.е. последнее слово в повести не за враждой и даже не за строгой справедливостью, а именно за примирением. Здесь интертекстуальность выполняет в повести третью функцию. С ее помощью Чехов показывает: тем, что «правда есть и будет» [13. С. 167] и что Цыбукины (кроме Аксиньи) получают наказание за свой обман, еще не всё сказано, и даже обидчик может получить прощение.

В этом смысле слова Д. Рейфильда о том, что «только акцент на индивиде и на христианском взгляде героини его [Чехова] мешает истории быть марксистским произведением» (перевод мой. – Ш.Л.) [2. С. 194], касаются особенно подтекста произведения. Ведь именно в нем еще сильнее, чем в описании характера Липы или в сюжете, проявляется то, что упование Липы на справедливость, а также ее готовность к прощению носят черты христианства. В этом смысле также можно сказать, что подтекст в произведении подчеркивает акцент Чехова на том, что придает человеку достоинство.

Таким образом, мы можем сказать, что тематика Исхода и Песаха присутствует в повести «В овраге» не просто в виде загаданных Чеховым аллюзий, а в виде интертекстуальности, т.е. в виде элементов одного текста в другом, с помощью чего автор обращается к чувствам и воспоминаниям, спрятанным глубоко в памяти читателей, а также самого автора. Данная интертекстуальность выполняет три функции. С одной стороны, она обостряет тематику обмана и насилия, присутствующую в описании общей атмосферы и в фабуле повести. С другой стороны, она углубляет

надежду на справедливость, заложенную в мыслях и высказываниях героев. А в финале повести с помо-

щью данной интертекстуальности Чехов подчеркивает, что кроме справедливости есть еще милосердие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паперный З.С. А.П. Чехов. Очерк творчества. 2-е изд., доп. М., 1960.
2. Rayfield D. Understanding Chekhov. Madison, Wisconsin, 1999.
3. Швагрукова Е.В. Творчество А.П. Чехова в «Лекциях по русской литературе» В.В. Набокова // Чехов и время. Томск, 2011. С. 214–226.
4. Собенников А.С. «Между есть Бог и нет Бога...» (о религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова). Иркутск, 1997.
5. Swift M.S. Biblical Subtexts and Religious Themes in Works of Anton Chekhov. New York, 2004.
6. Freise M. Die Prosa Čechovs. Eine Untersuchung im Ausgang von Einzelanalysen. Amsterdam – Atlanta, GA, 1997.
7. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М., 1998. С. 317–370.
8. Dock S. Julia Kristeva, un espoir pour la pensée, une promesse de liberté. URL: http://www.huffingtonpost.fr/samuel-dock/julia-kristeva-philosophie_b_4672955.html (дата обращения: 27.06.2014).
9. Крестева Ю. Разрушение поэтики // Избранные труды: разрушение поэтики. М., 2004. С. 5–30.
10. Крестева Ю. Текст романа // Избранные труды: разрушение поэтики. М., 2004. С. 395–593.
11. Kristeva J. Some principles for the humanism of the twenty-first century. URL: http://www.kristeva.fr/assisi2011_en.html (дата обращения: 27.06.2014).
12. Simmons E. Chekhov. A Biography. London, 1963.
13. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. М., 1974–1983. Т. 10.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 06 ноября 2014 г.

INTERTEXTUALITY IN A.P. CHEKHOV'S "IN THE RAVINE" AND FUNCTIONS OF BIBLICAL TEXTS

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 22–25. DOI 10.17223/15617793/390/4

Lipke Stephan. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stephanlipkesj@rambler.ru

Keywords: A.P. Chekhov; Bible; Easter; intertextuality; J. Kristeva.

In this essay we explain how the biblical text of the "Exodus", of Israel leaving Egypt, is present in A.P. Chekhov's story "In the Ravine" (1900) and which functions it fulfills. We have to keep in mind that, according to J. Kristeva, intertextuality often deals with feelings, remembrances and thoughts which are present in the reader's memory; that means that intertextuality deepens the text and completes it with elements going beyond its intellectual understanding. Such an effect of deepening can be expected in a particular way if a text contains other texts that have been handed over from generation to generation, enriched with a multitude of connotations and become part of the human subconscious. This is the case if we talk about old folklore and sacred texts. Rather than exterior similarities, it is important that in our story various aspects can be seen in the context of different elements of the "Exodus" story. We can say this especially concerning the theme of slavery. Thus, the workers in Aksinya's factory produce bricks, just like the people of Israel had to do in Egypt. Like in the Bible, deathly danger for a little boy comes up in combination with water. That is why, we can first say that intertextual connections make the situation described in the story even crueler. On the other hand, in many cases, the presence of "Exodus" motives enriches the text with a note of hope that Lipa and her mother's belief, i.e. that "there is truth and there will be", can become reality. This has to do with the fact that the book of Exodus is predominantly a liberation story. With the help of intertextuality Chekhov underscores that hope is not just an ideological point of view but that it becomes something that you can feel and that has to do with the hopes of the Jews and Christians of all centuries. But there is still another important function intertextual connections with the Bible fulfill: the final scene of the story is the scene in which Lipa gives Tsybukin to eat, thus symbolically offering communion to him. This shows that the last word in the story does not belong to enmity and not even to strict justice but to reconciliation. Therefore we can say that the "Exodus" theme is present in the text not only in the form of allusions, Chekhov included in it like in a puzzle, but in the form of intertextuality in the strict sense of the word. That means that elements from one text have become part of another one and that, with their help, the author addresses feelings and thoughts deep within the reader's memory, but also in his own. This intertextuality has three functions: on the one hand, it enhances the theme of fraud and violence which is present in the general atmosphere described in the story and in its plot. On the other hand, intertextuality gives liveliness to the theme of hope for justice, which we can find in the thoughts and words of the main figures. At last, in the final scene of the story, with the help of intertextuality Chekhov underscores that except for mere justice there is also hope of reconciliation.

REFERENCES

1. Papernyy Z.S. *A.P. Chekhov. Ocherk tvorchestva* [A.P. Chekhov. Essay on creativity]. 2nd edition. Moscow: Goslitizdat Publ., 1960. 302 p.
2. Rayfield D. *Understanding Chekhov*. Madison: University of Wisconsin Press, 1999. 295 p.
3. Shvagrskova E.V. *Tvorchestvo A.P. Chekhova v "Lektsiyakh po russkoy literature"* V.V. Nabokova [Works of A.P. Chekhov in "Lectures on Russian Literature" by V.V. Nabokov]. In: Novikova E.G. (ed.) *Chekhov i vremya* [Chekhov and time]. Tomsk: TSU Publ., 2011, pp. 214–226.
4. Sobennikov A.S. "Mezhdue est' Bog i net Boga..." (o religiozno-filosofskikh traditsiyakh v tvorchestve A.P. Chekhova) ["Between there is God and there is no God" (on the religious and philosophical traditions in the works of Anton Chekhov)]. Irkutsk: ISU Publ., 1997. 224 p.
5. Swift M.S. *Biblical Subtexts and Religious Themes in Works of Anton Chekhov*. New York: Peter Lang International Academic Publishers, 2004. 196 p.
6. Freise M. *Die Prosa Čechovs. Eine Untersuchung im Ausgang von Einzelanalysen*. Amsterdam – Atlanta, GA: Rodopi, 1997. 330 p.
7. Nabokov V.V. *Lektsii po russkoy literature* [Lectures on Russian literature]. Moscow: Izdatel'stvo Nezavisimaya Gazeta Publ., 1998, pp. 317–370.
8. Dock S. Julia Kristeva, un espoir pour la pensée, une promesse de liberté. Available from: http://www.huffingtonpost.fr/samuel-dock/julia-kristeva-philosophie_b_4672955.html. (Accessed: 27th June 2014).
9. Kristeva J. *Izbrannye trudy: razrushenie poetiki* [Selected works: the destruction of poetics]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004, pp. 5–30.
10. Kristeva J. *Izbrannye trudy: razrushenie poetiki* [Selected works: the destruction of poetics]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004, pp. 395–593.
11. Kristeva J. Some principles for the humanism of the twenty-first century. Available from: http://www.kristeva.fr/assisi2011_en.html. (Accessed: 27th June 2014).
12. Simmons E. *Chekhov. A Biography*. London: Cape, 1963. 669 p.
13. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 tomakh* [Complete works and letters in 30 volumes]. Moscow: 1974–1983. Vol. 10.

Received: 06 November 2014